

ГОРЬКИИ В ДРАМАТИЧЕСКОЙ ЦЕНЗУРЕ

Москва. Литературная газета. 17/IX 32.

Мы знаем из неоднократно опубликованных в печати материалов, что общественно-литературная деятельность Горького была предметом неусыпного и не прерываемого ни на один год внимания полицейских органов царской власти. Цензура Горького, вообще говоря, обставилась более строгими требованиями, чем цензура произведений других писателей. Охранительные органы царского правительства учитывали принципиальную разницу между словом написанным, напечатанным в книге и далее читаемым, и словом, звучащим, слышимым со сцены, действующим одновременно на большой коллектив зрителей театра. Более эффективная сила слова в последнем случае, воздействующая не только своим прямым смыслом, но и художественной образностью, была им очевидна, — как очевидна была и революционизирующая сила слов писателя, выступившего в знаменательную предвосхищающую пору с общественными обвинениями, с резкой критикой социальных противоречий перед массовой аудиторией — публикой театра. В стремлении пресечь возможное воздействие этих слов, остановить возможный и, во всяком случае, идейно подготовиваемый переход «слова» в «дело» охранительные органы прибегали как к непосредственному снятию соответствующих «опасных» мест пьесы, к изъятию насыщенных социальным смыслом отдельных речей, сентенций, так и к созданию таких условий, при которых бы затруднено до последней степени появление самих пьес Горького на сцене театров. Меры пресечения воздействия горьковского художественного сло-

ва коснулись не только произведений самого писателя, но и произведений, возникших на его основе (сценические переделки равных рассказов и повестей) или под влиянием его творчества. Учет цензурного материала в этом последнем случае позволяет открыть обширный круг подражателей Горького; как бы «горьковскую школу», полное проявление которой в ряде пьес этого времени было приостановлено цензурными же органами.

Приведем «образцы» цензурной «работы» над тремя пьесами Горького: «Мещане», «На дне» и «Враги».

Первый представленный в цензуру экземпляр «Мещан» был тщательно просмотрен цензурой, исключившей ряд мест. Почти все цензурные пропуски коснулись тех мест текста, в которых автор устами действующих в пьесе лиц трактовал вопросы характера общественного: протест против существующих форм жизни, о тягостной жизни, об условиях жизни в России и т. п.

Приведем некоторые «образцы» цензурных пропусков, выделив опущенные фразы или речи курсивом.

Акт II. Тетерев (Нилу). Жизнь испорчена. Она скверно спит... Не по росту порядочных людей сделана жизнь, говорю я. Мещане сузили, окоротили ее, сделали тесной...

Акт II. Нил (не слушая). Как ненавижу я этого человека... этот дом, всю жизнь эту... гнилую жизнь. Здесь все как-то уроды. Никто не чувствует, что жизнь испорчена ими, низведена к пустякам... что из нее они делают себе темницу, которая несчастье... Как они ухищряются драть это? Не понимаю. Но...

Акт II. Петр (Бессеменову). Ты прав, но твоя правда узка нам... мы выросли из нее, как вырастают из платья; нам тесно, нас давит это... То, чем жил ты, твой порядок жизни, он уже не годится для нас...

Акт IV. Нил (Петру). В одном не вижу ничего приятного: в том, что мною и другими честными людьми командуют свиньи, дураки, воры... Но жизнь не вся ведь за ними! Они пройдут, исчезнут, как исчезают нарывы на здоровом теле.

Акт IV. Тетерев. Но это объяснение красиво слишком для меня... хотя оно и кратко. К нему добавить надо, что в России удобнее, спокойнее быть пьяницей, бродягой, чем трезвым, честным, дельным человеком. Только люди, безжалостно прямые и твердые, как мечи, — только они пробьют...

Первый представленный в цензуру экземпляр «На дне» вызвал обширный ряд цензурских исключений. Так, цензором были зачеркнуты слова и фразы, предосудительные с точки зрения господствующей и официальной морали.

Другие цензурные пропуски касались мест, трактующих религиозные вопросы, мест с церковными речениями и т. п. Исключения этой группы падают, главным образом, на речи Луки и на реплики лиц, ему отвечающих.

Значительное число цензурных пропусков касается тех мест пьесы, в которых освещены тяжелые условия «жизни» отдельных персонажей пьесы или вообще русской жизни.

Особое значение цензура придавала речам действующих лиц, имеющим общее политическое значение или трак-

тующим вопросы, тесно связанные с политической характеристикой существующего строя.

Акт I. Пепел (барону). Ты барин... было у тебя время, когда ты нашего брата за человека не считал... и все такое... Чего же? А теперь вот я тебя заставляю лаять собакой, ты и будешь... ведь будешь!

Акт III. Пепел. Я утешаю себя тем, что другие побольше моего воруют, да в чести живут... в совесть я не верю...

Акт III. Костылев (Луке). Сегодня же чтобы духа твоего не было. А то я... смотри.

Лука. Дядю позовешь? Позови дядю... Белого, мол, изловил... Награду дядя получить может... копейки три...

Бубнов (в окне). Чем тут торгуют? За что три копейки?

Лука. Меня вот грозят продать...

Василиса (мужу). Идем...

Бубнов. За три копейки? Ну, гляди, старик... Они и за копейку продадут.

Акт IV. Татарин. Потом придет время. Коран будет мало... Время даст свой закон новый... Всякое время даст свой закон...

Сатин. Ну да... Пришло время и дапо «Уложение о наказаниях»... Крепкий закон... нескоро износишь.

Еще до появления пьесы на сцене Главным управлением (12 октября 1902 года) был предупредительно разослан губернаторам циркуляр о том, чтобы не допускались анонсы о новой пьесе М. Горького «На дне» до предъявления авторами пьесы цензурных экземпляров.

Пьеса была предназначена к постановке на сцене Московского Художественного театра и была послана директором театра В. И. Немировичем-Данченко на цензурный просмотр в августе 1902 года. 27 августа она поступила в цензуру. Лишь через месяц, 25 сентября, видимо после тщательного чтения пьесы, отзыв о ней (цензора С. Трубачева) был доложен начальнику Главного управления.

Рассказав подробно содержание пьесы, цензор заключает:

«Новая пьеса Горького может быть разрешена к представлению только с весьма значительными исключениями и некоторыми изменениями. Безусловно необходимо городового Медведова превратить в простого отставного солдата, так как участие «полицейского чина» во многих проделках ночлежников недопустимо на сцене. В значительном сокращении нуждается конец II акта, где следует опустить, из уважения к смерти чахоточной жены Клеца, грубые разговоры, происходящие после ее кончины. Значительных исключений требуют беседы странника, в которых имеются не-

М. Горький среди начинающих писательниц и работников

удобные рассуждения о боге, будущей жизни, лжи и пр. Наконец, во всей пьесе должны быть исключены отдельные фразы и резкие грубые выражения, на которые во всех своих произведениях не скупится Горький.

Постановка пьесы на сцене столичных театров во второй сезон, осенью 1903 года, вызвала своеобразную оценку пьесы петербургским градоначальником Клейгельсом в докладе министру внутренних дел от 31 октября 1903 года.

«В последнее время в периодической печати появляются корреспонденции, указывающие на развитие в столице преступности со стороны особого класса людей, группирующихся иногда в шайки и свободно производящих на улицах и других общественных местах бесчинства и своеволия над прохожими, причем сообщения эти иллюстрируются подробностями преступных событий, фактическая сторона которых извращается до неузнаваемости. Всякие отдельные случаи бесчинств тенденциозно муссируются газетными репортерами и обобщаются в явления, угрожающие общественному спокойствию населения.

Такие сообщения не могут не оставлять известного впечатления и порождать тревожное настроение жителей. В то же время на театральной сцене идут и пользуются большим успехом такие пьесы, как «На дне», в которых авторы, рисуя жизнь отброшен общества, самыми густыми красками стремятся обнаружить и показать обществу внутренний смысл — душу этого порочного элемента, выставива его годами и тунеядцев в ролях героев и удалцов».

Автор доклада предлагает: «Воспрещение постановок на театральных сценах пьес, в которых реальная жизнь пролетариата освещается и демонстрируется в соблазнительном виде».

В результате такого рода «ходатайств» последовало неофициальное запрещение постановки пьесы:

«Г. министр изволил приказывать 1) по возможности не разрешать дальнейшее появления на сцене пьесы «На дне» и 2) сделать редакторам маленьких газет соответственные указания».

Пьеса «Враги» (1907 год) представлена печатным экземпляром из сборника «Знание», в котором затнута многие страницы, видимо, обратившие на себя внимание цензора.

В докладе цензора (13 февраля 1907 года), высказавшегося за категорическое запрещение пьесы, записана такая ее характеристика.

«В этих сценах ярко подчеркивается непримиримая вражда между рабочими и работодателями, причем первые изображены стойкими борцами, сознательно идущими к намеченной цели — уничтожению капитала, последние же изображены узкими эгоистами. Впрочем, по словам одного из действующих лиц, совершенно безразлично, каковы качества хозяина, достаточно того, что он «хозяин», чтобы для рабочих он являлся врагом. Автор устами жены директора фабрики Татьяны предсказывает победу рабочих. Сцены эти являются сплошной проповедью против имущих классов, вследствие чего не могут быть дозволены к представлению».

Из приведенных примеров текстовых урезок видно, что из произведений Горького вытраивался тот протестующий революционный дух, которым были насыщены пьесы в печати. Горький в сборниках «Знание», где печатались его пьесы, и Горький на сцене — не один и тот же Горький, и тем не менее пьесы Горького даже в «очищенной» в большинстве своем от политических мотивов цензурной редакции воспринимались современниками как пьесы протестующие, революционные, взрывающие. И это потому, что внутренняя суть горьковских произведений и политическое содержание его имеют легко настраивали современника на активное зрительное восприятие.

С. БАЛУХАТЫЙ

113